



Беседовал
Сергей ВОЛКОВ

Сергей

Как учёный и как педагог я обречён на два мифа – о Прометее и о Пигмалионе и Галатее...

Рукшин

Сергей Евгеньевич Рукшин (род. в 1957) – кандидат физико-математических наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена, зам. директора ФМЛ № 239 г.Санкт-Петербурга, основатель и руководитель Городского Математического центра для одаренных школьников, наставник Филдсовских лауреатов Г.Перельмана и С.Смирнова и более 80 обладателей медалей международных олимпиад, Заслуженный учитель РФ, член Общественного Совета Минобрнауки РФ.

– Вопрос для разгона: с какими мифами в современном образовании Вам приходится сталкиваться или бороться? Насколько они опасны или благотворны для образования?

– Как и вообще на протяжении всей истории человечества, мифы в образовании, литературе, культуре представляют собой цельный, изначально слитный взгляд на явление. Без анализа и синтеза. Лишь потом миф как форма общественного сознания дробится и множится – возникает наука, идеология, вера и религия. И так происходило не только в античности и не только по отношению к вопросам космогонии и теогонии. Отцом мифа всегда бывает недостаток информации и знаний, матерью – важнейший витальный инстинкт бескорыстного любопытства, наличие интереса и желание постичь. В каждой профессии, в каждом виде деятельности путь от неумелого подростка до Данилы-мастера опосредован своей Хозяйкой Медной горы. Путь от ученика до подмастерья, от подмастерья до ремесленника, от ремесленника до цехового мастера – всё, что делается вплоть до уровня мастерства, – описывается наукой. Но мастерство – не предел! И путь от него до искусства, а далее – от искусства до колдовства (или того, что нам кажется таковым на данном этапе) наукой (т.е., этимологически, тем, чему можно научить!) не описан. Об этом нам могут поведать только мифы. Так на каждом этапе развития происходит вторичное мифотворчество – знаменующее победу над старым незнанием и предвкусение нового знания и могущества.

Ровно так же обстоят и дела в современном образовании, педагогике, методике преподавания. Когда научно-доказательная база ещё недостаточно велика, миф описывает структуры и их деятельность и позволяет накапливать знания, экспериментальный опыт, на основе которого произойдёт новый виток. На этом витке будут рождены новые гипотезы, не противоречащие практике, и наиболее правдоподобные из них, не будучи доказанными и подтверждёнными, дадут жизнь новым мифам. В



К.Шусселе. Прометей прикованный

этом смысле цепочка «миф – наука – вторичное мифотворчество – новые научные знания» вечна, пока живо человечество.

Самый важный миф – учить можно всех. Он побуждает нас задавать вопросы «чему?» и «как?». Они толкают нас к исследовательской работе и совершенствованию. Самый вредный миф – что научить можно всех. Он толкает многих ко лжи и натяжкам. Самый лукавый миф – что все дети талантливы. Сами эти мифы – не вредны и не опасны, равно как и не благотворны. Вопрос состоит в том, кто и как исповедует и использует ту или иную мифологию. Миф создает напряжение, разность потенциалов между нашими сиюминутными возможностями и обещанием совершенства, а уж как их воплощают люди – это совсем другой вопрос. Плохой директор или декан может призывать ставить липовые тройки вместо двоек и пятёрки вместо троек, а хороший мобилизует учителей, а они – учеников на то, чтобы «вырасти над своей сегодняшней макушкой» и в максимальной степени поможет им реализовать то, на что способны именно они. И эта диалектика мифа-обмана и мифа-мечты и стимула к развитию реализуется в педагоге и педагогике. Так что бороться с мифами на стадии, когда их не может развенчать наука, бесполезно и вредно – так можно выхолотить и ростки будущего. Но не менее опасно насаждать мифы, которые давно опровергнуты знанием и превратились в науку. Так что опасны или благотворны для образования не сами мифы, а люди... В одной и той же луже на дороге – и застарелая грязь, и отражение голубого неба над головой. Кто что увидит...

– С мифами и сказками все знакомятся в детстве. Какой самый любимый миф – у Вас?

– Ну, тут всё очевидно. Как учёный и как педагог я обречён на два мифа – о Прометее и о Пигмалионе и Галатее. И твердо знаю, что она может ожить, если потратить достаточно душевных сил. Но, увы, наибольшие шансы на повышение имеет не Прометей, а туповатый братец Эпиметей. И Зевс – всего лишь младший сын последнего из титанов Крона. А как было бы хорошо, если бы воцарился Прометей, – перворождённый сын первого из титанов Япета?!

Да и мрамор для статуй, признаться, в последнее время уже не имеет того прекрасного розоватого оттенка, при котором в нём живут и намечены капилляры, и осталось лишь дожидаться, пока он оживёт в наших руках, одухотворённый нашим трудом.

– Если бы образовательную область отдали на откуп Вам, что и как бы Вы в ней устроили? Хотя бы самое главное? Или не взяли бы на откуп такое беспокойное хозяйство?

– Взял бы. От таких подарков судьбы не отказываются. И не надо путать боязнь наказания и чувство ответственности, стыд и совесть. Первые – от людей, вторые – свои собственные. Ответственности я не боюсь. Как устроил бы? По-возможности, спокойно. Без нервопрёпки и резких перегибов. И с уважением к росткам нового, которое идёт от учителей, из школ и регионов. И к «земле» – традициям, вскормившим то лучшее, что было в нашей школе. Трава с неба не растёт – всё от земли.

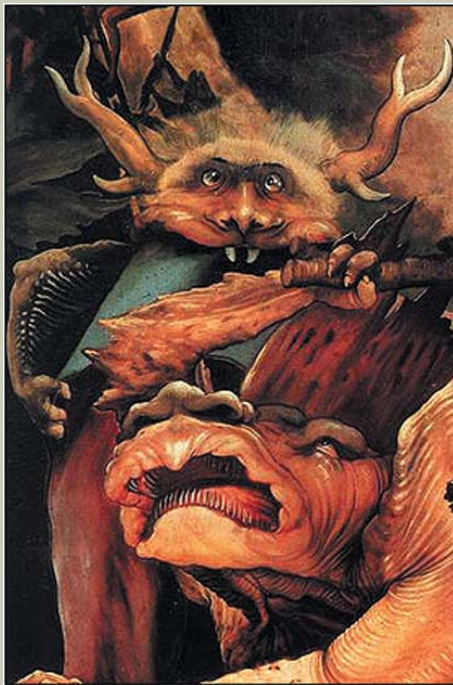
– Вы – математик. Литературу нередко противопоставляют предметам точным и важным как неточный, неважный и непонятно зачем нужный. Вам, как учителю математики, не всё равно, есть ли у Ваших подопечных литература как школьный предмет? И какая?

– Мне повезло с моими учителями, и, в частности, учителями литературы. Особенно в моей родной 30-й школе. Нас учили думать, думать и сомневаться – в том числе и на истории, и на литературе. Не угадывать, что хочет услышать преподаватель, а думать, спорить, отстаивать с фактами и текстами в руках свою точку зрения. И доказывать не её единствен-



Ж.Л. Жером. Пигмалион и Галатhea

Интервью у классной доски



Фрагменты Изенгеймского алтаря (автор – М.Грюневальд. 1506–1515 гг.) со сценой искушения святого Антония. В средние века эта створка алтаря демонстрировалась верующим всего один раз в году, по случаю праздника святого Антония.

ную возможную правоту, а право на существование и непротиворечивость фактам. Великий Лев Андреевич Киришнер начал первый урок истории не рассказом, а вопросом к моему соседу: «А что Вы думаете, Леонид, усилила или ослабила Францию франко-прусская война?» И этот камертон не давал сбиться с настройки на самостоятельную мысль два года учёбы в специализированной физико-математической школе.

И это было очень важно. Математика – всего лишь предмет, на котором целенаправленно учат думать и решать задачи. Лучшее всего приспособленный для формирования многих (но не всех!) видов мышления. Но это можно (и должно!) делать и на других уроках. Развивать специфические формы мышления на материале и доказательной базе каждой науки. И с этой точки зрения литература и история незаменимы, ибо открывают моим ученикам другие горизонты мысли и другие богатства мира, о которых на математике я им поведать не могу. Отчасти поэтому в наших Летних математических лагерях, которые я начал проводить в 1981 году, всегда были вечера классической музыки, вечера поэзии, чтение художественной литературы по вечерам преподавателями-математиками. Это всё позволяло восстановить баланс между рациональным и эмоциональным способами постижения мира. Математика даёт со- (то есть совместное) знание, но со-чувствие и со-страдание индуцируются искусством и осмыслением всего опыта жизни человечества. Литературой и историей. Да, бывают люди, которые могут сохранить в душе чистоту и порядочность, не утруждая себя изучением художественной литературы и лицецерием Изенгеймского алтаря. Мне, хотя и редко, такие встречались. Но комок, подступающий к горлу, кошки, скребущие на душе, ощущение боли и накапывающие на глаза слёзы и ярость, когда обижают и оскорбляют не нас, когда боль испытываем не мы – всего этого математика нам не даёт... Для этого нужны другие средства. И поэтому мне не всё равно, с какой литературой встречается мой ученик.

– Вы помните своих учителей литературы? Учителей других предметов? Кого и почему Вы вообще называли бы «хорошим учителем»?

– Разумеется, помню. В 530-й школе города Пушкина меня учила литературе Фримма Семёновна Коган, жена известного невропатолога, который лечил меня в больнице имени Семашко. Интеллигентнейшая женщина с широким литературным кругозором, она умудрялась с невероятным терпением вкладывать любовь к Гоголю, Грибоедову, Лермонтову, Пушкину в души моих одноклассников, многие из которых были ближе к детской комнате милиции, чем к библиотеке. И очень многого добилась! В её педагогической манере была мягкая тенденция связать то, о чем говорила русская литература, с окружающим нас миром. А уж в моей «тридцатке» нас учил литературе знаменитый филолог, тогда – кандидат, потом – доктор наук Герман Николаевич Ионин, сын художника Николая Ионина (ученика Петрова-Водкина). Автор комментариев, если не путаю, к томику Державина в «Библиотеке поэта» и диссертации об анакреонтической лирике. Наш «Мамонт», как мы его называли, позволял нам раскачивать границы дозволенного программой до таких просторов самостоятельной мысли, что многие родители приходили в ужас от сочинений своих чад. Он пытался учить нас литературе так, как я описывал в ответе на предыдущий вопрос, – радуясь нашим мыслям, хотя подчас и завиральным, но – своим, самостоятельным. Споры переносились на ЛИТО, в постановки школьного театра. И, конечно, нельзя не вспомнить нашего библиотекаря, «Бэллочку», как мы её любовно назвали. Которая, когда болел кто-то из учителей, пришла к нам в класс (и это в конце 60-х – начале 70-х годов!) с номером журнала, в котором был опубликован роман «Мастер и Маргарита», и начала читать. Так я узнал от нее о «Тёркине на том свете», «Одном дне Ивана Денисовича» и «Матрёнином дворе», Гумилёве и Мандельштаме... В моей непростой и далеко не правед-

Здесь и дальше на полях – переводы
Сергея Рукшина.

* * *

И царь Давид, и Соломон,
Чтоб скрасить свой досуг,
Имели по семь сотен жён
И сотни три подруг.

Но час их старости настал.
И что же видим мы?
Нам притчи Соломон писал,
А царь Давид – псалмы.

Джон Нэйлор

О тщете земного величия

И бивни мамонта порой,
Страшившие веками,
Для нас становятся игрой –
Бильярдными шарами.

А страх империи врагов –
Меч грозный Шарлеманя –
Покрылся ржой во тьме веков,
И непригоден к брани.

Медведя-гризли страшен вид –
Не дай нам встречи, боже!..
Теперь подстилкою лежит
Иль греет нас на ложе.

Великий Цезарь бюстом стал
На книжной полке пыльной.
И я не чувствую себя
Здоровым, умным, сильным...

Артур Гилтерман

Парадокс жизни

Тайну жизни пытаюсь постичь,
Я придумал в минуты досуга
Образ двух чемоданов больших,
Содержащих ключи друг от друга.

Пит Хейн

Дорога к мудрости

Чтоб до мудрости как-то добраться
Нужно просто набраться терпения.
Ошибаться,
опять ошибаться,
но всё менее,
менее,
менее...

Пит Хейн

ной жизни есть многое, тяжёлым грузом лежащее на душе, но неблаго-
дарности там нет.

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честью, и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим!

Я помню вас всех, мой Учителя. И многое из того, чему Вы хотели меня
научить.

– Какие книги, с Вашей точки зрения, обязательно должен прочесть человек
в школе и почему (скажем, главная пятёрка книг)?

– В пятёрку, пожалуй, не уложусь. Даже ограничиваясь прозой. Но если
бы мне надо было выбрать возможный minimum minimum, он был бы
таким (если надо выбрать одно произведение у автора – то первое из ука-
занных):

У.Шекспир. Гамлет. Буря.

А.С. Пушкин. Маленькие трагедии. Капитанская дочка.

Н.В. Гоголь. Мёртвые души (включая второй том!). Портрет.

Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат.

Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание.

Г.Мелвилл. Моби Дик. Веранда.

М.А. Булгаков. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера.

Лайош Мештерхази. Загадка Прометея.

Г.Гессе. Последнее лето Клингзора. Игра в бисер.

Олег Куваев. Территория.

Это то, что человек должен постичь в юности и молодости.

За пределами этого списка остались и Леонид Андреев, и любимые
Грибоедов, и Борхес, и «Шагренева кожа» с «Портретом Дориана Грея»,
и «Снега Килиманджаро», и «Разгром» с его великолепным финалом... Но
это личный выбор. Обсуждать «почему» – нечестный вопрос. Я ведь ни-
кому этот выбор не навязываю. Наверное, потому, что эти книги произ-
вели наиболее сильное впечатление на меня, и я могу думать над ними
часами, перечитывая заново. Конечно, как говорят умудрённые опытом
и вооружённые умными словами психологи, для каждого возраста есть
свои книги, или, точнее, для каждой книги есть свой сензитивный пери-
од прочтения. Но ведь мы о вечности, правда?

– Вам удается читать сейчас? Если да, то что?

– Удается, хотя и много меньше, чем хочется. Недавно перечитал «Крош-
ку Цахеса», прочёл пару последних книг Даниила Гранина. Своей очере-
ди ждут два тома Роберта Мерля, произведшего лет двадцать назад силь-
нейшее впечатление свои «Мадрапуром». Сейчас читаю только что пере-
веденную на русский язык книгу «“Я” для меня мало. Революция/любовь
Владимира Маяковского» замечательного шведского писателя и литера-
туроведа Бенгта Янгфельдта.

– Как Вы относитесь к поэзии?

– С любовью, конечно же! Я сам занимался переводами стихов с ино-
странных языков, больше всего – с английского и армянского. Часть пе-
реводов с английского даже была опубликована с лестными словами
в предисловии двуязычного сборника стихов: «Предлагаемые переводы
некоторых произведений сделаны как известными интерпретаторами ан-
глийской поэзии С.Маршаком и К.Чуковским, так и поэтами начинающи-
ми..., а также ленинградским учёным С.Рукшиным». Компания, в которой
я оказался, мне понравилась, и я продолжил это занятие. А вот переводам
с армянского не повезло: Советский Союз начал распадаться, и закончен-
ные в это время переводы замечательного поэта Ваана Терьяна, получив-
шие восторженный отзыв замечательного литературоведа и знатока ар-

Интервью у классной доски

Рубаи

* * *

Где все, ушедшие от нас в тот
невозвратный путь?
Хотя б на миг, хотя б на час
вернулся ль кто-нибудь?
И не допить, не долюбить,
и не согреет грудь
То, что оставили вчера, – об этом
не забудь!

* * *

Мгновенья быстро пролетят,
за ними жизнь пройдёт.
Пускай весельем и вином
она вослед блеснёт!
Задумайся! Ведь выбор – твой!
И будет счастлив тот,
Кто жизнь ведёт путем своим –
она ж за ним идёт!

* * *

Саки, тащи кувшин вина!
И трезвою не будь!
Сегодня осень, и печаль
стесняет болью грудь.
Без меры выпью я вина,
и пусть, сейчас и тут,
Твои ланиты, розы щек,
весну мою вернут!
Омар Хайям

мянской поэзии Э.М. Джрбашяна, так и не были опубликованы. Рукописи, отправленные в Ереван, затерялись (Интернета и электронной почты тогда не было!), и сейчас, после очередного переезда на новую квартиру я с удивлением нашел сохранившиеся наброски цикла «Страна Наири». От других стихов Терьяна не осталось даже черновики.

Когда я говорю о любви к Лермонтову или Тютчеву, Гумилёву или Ходасевичу, всем понятно, о чём я говорю. Гораздо сложнее с поэзией иностранной. Как сказал в XIX веке австрийский писатель Готлиб-Мориц Сафир, «перевод стихотворения на другой язык подобен жене – если верен, то некрасив, а если красив – то неверен». Несколько раз выяснялось, что я люблю не столько поэта, сколько переводчика. С тех пор я стараюсь, когда это возможно (не зная толком ни одного языка), читать стихи в оригинале, или пользоваться двуязычниками, или сравнивать разные переводы. Когда переводил сам – записывал на магнитофонную ленту звучание оригинала. Так выяснилось, что я действительно люблю стихи Кортасара, особенно ранний сборник «Только сумерки», Катулла, Эдгара По, Терьяна, Лонгфелло, Эмили Дикинсон, Лорки и многих других, вплоть до Архиппиды Кельнского и Грегора Нарекаци и Давтака Кертога. Да и нет, надеюсь, задачи перечислить всех? Оговорюсь, что слова о том, что я люблю поэта, означают, что мне нравится всё или почти всё, что я знаю, а не пара отдельных стихотворений. В этой ситуации я говорю, что мне нравится «Вода благоволила литься...»

– Вы много работаете с так называемыми «одарёнными» детьми. Это труднее или легче, чем с «обычными»? Что Вам стало понятно про детскую одарённость за эти годы?

– Во-первых, я всю жизнь работал и с «обычными» детьми, и работаю, кстати, до сих пор (например, в начальной школе). Во-вторых, стоит отметить, что разговоры о том, что мы работаем с одарёнными детьми или отбираем тех, кто уже проявил себя на олимпиадах, чаще всего являются прибежищем педагогов, у которых не получается достичь сравнимых результатов. Это разговоры и зависть неудачников или тех, кто (чаще всего с чужих слов) совершенно не знает, что у нас творится. Мы просто научились выращивать детей, которых после появления первых успехов начинают называть «одарёнными». Правильнее было бы говорить, что мы работаем с мотивированными детьми, но терминология устоялась, и возражать против термина «одарённые» всё тяжелее и тяжелее. Мой учитель, замечательный педагог и геометр Валерий Павлович Федотов (который отбирал к себе в кружок победителей олимпиад), как-то с удивлением и возмущением написал, что я набирал в кружок Дворца Пионеров «с улицы» всех, кто приходил и записывался, и делал из них победителей городских олимпиад. Это шло вразрез со сложившейся традицией и его педагогическим опытом. Кстати, и мой нынешний кружок, набранный в 3–4 классе (а городские олимпиады у нас в СПб начинаются с 6 класса!), в прошлом году делегировал на финал Всероссийской олимпиады по математике, кажется, семь человек, из которых шестеро стали призёрами за 9 класс. При этом пятеро из этих призёров учились в 7–8 классе. Так что скорее, надо говорить не об одарённости, а о возможности реализовать заложенные в ребенке способности при его желании активно заниматься.

Так вот с такими «одарёнными» не труднее и не легче. По-другому. Другая степень ответственности за реализацию заложенных способностей. Другая ответственность за возможную раннюю профессионализацию и отсутствие социальной интеграции. Поэтому я и стараюсь, в отличие от многих коллег, до последнего держать массовые кружки, в которых занимаются не только «сверхкомпетентные», но и просто те, кому хочется или кому нравится заниматься именно в этом кружке, в этом коллективе или с этими преподавателями. 